

Изменения социальной структуры российского общества и ее политические последствия: попытка прогноза

С.А. БЕЛАНОВСКИЙ, М.Э. ДМИТРИЕВ, С.Г. МИСИХИНА, Т.Г. ОМЕЛЬЧУК

В настоящее время в российском обществе происходят глубокие мировоззренческие и структурные изменения, которые к концу текущего десятилетия радикально изменят его облик. Экономический рост создает предпосылки для быстрого роста численности урбанизированного среднего класса, который демонстрирует существенные отличия в плане экономического поведения, образа жизни, ценностей и политических предпочтений. Этот процесс будет ускоряться не только вследствие социальной мобильности молодого населения, но и глубокими изменениями в демографической структуре общества под влиянием двух поколений бэби-бумеров. Первые, родившиеся в послевоенный период, в массовом порядке будут выходить на пенсию. Вторые – это дети послевоенных бэби-бумеров, которые родились незадолго до начала или во время перестройки. Они стали самой многочисленной возрастной группой из ныне живущих поколений россиян и останутся таковыми на протяжении всей своей активной жизни (как минимум до 2050 г.). В результате преимущественно однополярное общество 90-х и нулевых годов преобразуется в биполярное с противоположными ценностями: традиционно-социальными у первых бэби-бумеров и модернизационными – у вторых. Результатом станет глубокая политическая трансформация российского общества: из однополярной и централизованной она превратится в биполярную и конкурентную, поскольку только такая структура сможет обеспечить и создание общественного консенсуса на основе политический диалога между противоположными по своим ценностям крупными сегментами электората.

Ключевые слова: средний класс, социальная структура, демографические сдвиги, бэби-бумеры, электоральные установки, политическая конкуренция

Развитие экономики тесно связано с изменениями в социальной структуре: в обществах с низким уровнем дохода абсолютное большинство составляет малообеспеченное население, зачастую живущее за чертой абсолютной бедности. Низкий уровень образования, отсутствие навыков современной экономической деятельности, приверженность к воспроизводству традиционного образа жизни влекут за собой низкую социальную мобильность и консервацию бедности в данном социальном слое.

С другой стороны, экономический рост создает предпосылки для массового повышения благосостояния, особенно у тех слоев населения, которые обладают образованием и квалификацией, востребованными в секторах экономики с высокой добавленной стоимостью, вследствие чего в обществе растет урбанизированный средний класс, который демонстрирует существенные отличия в плане экономического поведения, образа жизни, ценностей и политических предпочтений.

В России массовый средний класс начал формироваться в 70-е гг. XX в., и его появление, по-видимому, было одним из факторов, способствовавших распаду коммуни-

стической системы, сформировавшейся в эпоху, когда в стране преобладало сельское население, характеризуемое низкими, на грани выживания стандартами жизни.

В первом постсоветском десятилетии (1990-е гг.) средний класс, сформированный в предшествующем обществе, пережил трудные времена: он сократился численно и отчасти был вынужден перейти на мировоззренческие позиции патернализма, который обеспечивается, прежде всего, авторитарным политическим строем; далее, в «нулевые» годы, благодаря быстрому экономическому росту российский средний класс стал быстро восстанавливать свои позиции в обществе.

В настоящее время российский средний класс является не доминирующей, но значимой и наиболее быстро растущей массовой общественной силой, предъявляющей спрос на политические изменения. Однако специфика современного развития России состоит именно в том, что влияние малообеспеченного населения, зависимого от государства и формирующего патерналистский социальный запрос, еще очень велико. Это создает предпосылки для перехода от преимущественно монополярной структуры общества с преобладанием патерналистски ориентированного населения к *биполярной структуре* с трудно совместимыми социальными ожиданиями и системами ценностей, установление баланса между которыми является непростой задачей для любой политической власти.

Политическая власть, пытающаяся опереться только на один из полюсов этой биполярной структуры (например, на патерналистский полюс, состоящий из малообеспеченного населения), неизбежно столкнется с нарастающим противодействием со стороны противоположной группы, не имеющей сегодня формального политического представительства в системе государственной власти. Игнорирование интересов этой группы может привести политическую систему к конфликтам, во многом похожим на те, которые пережило общество при крушении советской системы.

Для прогнозирования будущего состояния российского общества чрезвычайно важным является тот аспект, что в среднесрочной перспективе (ориентировочно 5–6 лет) биполярность его социальной структуры, скорее всего, не снизится, а возрастет. Это произойдет не только под влиянием дальнейшего экономического роста (даже если темпы его будут весьма умеренными), но и в результате демографических сдвигов, которые будут происходить под влиянием двух поколений бэби-бумеров: поколения послевоенных лет и наиболее многочисленного из ныне живущих поколений, родившегося в 1980-х гг. Первые в массовом порядке будут выходить на пенсию и столкнутся с проблемой падения доходов. Вторые, наоборот, войдут в зрелый трудоспособный возраст и вследствие общей снижающейся численности трудоспособного населения и массового выхода на пенсию займут ключевые позиции в экономике, а в дальнейшем – и в политической системе.

Изменение политической системы является в этих условиях неизбежным: попытки законсервировать сегодняшнюю систему, буквально на глазах становящуюся все менее адекватной тем задачам, которые она должна решать, могут отсрочить крах, но не предупредить его. Необходимо возвращение к более конкурентной политической модели, которая сможет обеспечить представительство интересов среднего класса, соразмерное его численности и влиянию.

Исследования и оценки среднего класса в России в 1990–2000-х годах: краткий обзор

Серьезные эмпирические исследования среднего класса в России немногочисленны. Исследования проводили Л.А. Беляева, Т.И. Заславская, Е.М. Аврамова, Н.Е. Тихонова и другие. Среди них можно выделить исследование, проведенное на базе ИСЭПН РАН Е.М. Аврамовой, которая использовала в качестве критериев

отнесения к среднему классу материальную обеспеченность, профессионально-квалификационный потенциал, адаптированность и способность к освоению инноваций, тип политического участия, стиль жизни, самоидентификацию. В 1998 г., по ее оценкам, около 12,5% семей могли быть отнесены к среднему классу в России согласно этим критериям [Аврамова 2002]. На более поздних этапах исследования в конце 2000-х гг. Е.М. Аврамова относит к среднему классу уже каждую четвертую семью России [Аврамова 2008]. Согласно оценкам Л.А. Беляевой, в 1998 г. около 9,4% населения можно было идентифицировать как средний класс при использовании таких критериев, как самоидентификация, материальная обеспеченность и образование (высшее и среднее) [Беляева 1999].

В книге под редакцией Т.М. Малевой «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» [Средние классы в России: экономические и социальные стратегии 2003] в качестве критериев выделения среднего класса использовались такие критерии как:

- материальная обеспеченность, включающая текущие денежные доходы, сбережения, движимое имущество, недвижимость, активы на селе (21,2% домашних хозяйств отнесены к среднему классу по этому критерию);
- социально-профессиональный критерий (высшее образование, регулярная занятость, нефизический характер труда, наличие управленческих функций (включая малых предпринимателей и исключая руководителей средних и крупных предприятий) (привел к оценкам среднего класса на уровне 21,9% респондентов);
- критерий самоидентификации – среднее положение по различным шкалам социальной идентификации для домохозяйства и индивида (39,5% домашних хозяйств отнесены к среднему классу на основании этого критерия).

Соответствие как минимум двум критериям позволило в 2000 г. отнести около 20% населения к среднему классу (всем трем критериям соответствовало 6,9% населения).

Исследование, использующее похожую методологию, было повторено в 2007 г. на другой выборке [Малева, Овчарова и др. 2008]. Его результаты позволили отнести к среднему классу в 2007 г. около 20% населения по соответствию как минимум двум критериям (из них 4,6% – по трем критериям), при этом увеличилось число отнесенных к среднему классу по критерию материальной обеспеченности (до 26% населения) и уменьшилось по критерию самоидентификации (до 30%) [Малева, Овчарова и др. 2008].

В работах Л.М. Григорьева, посвященных проблематике среднего класса [Григорьев 2008; Григорьев (1) 2010; Григорьев (2) 2010; Григорьев, Салмина 2009; Григорьев, Салмина 2010], проводится как серьезный анализ литературы по проблеме, так и выдвигаются предложения по формированию критериев среднего класса, оценке его размеров, анализу его структуры и финансового поведения, выдвигается ряд гипотез для дальнейших исследований. Оценки размеров среднего класса у Л.М. Григорьева, как и в вышеупомянутых работах коллектива авторов под руководством Т.М. Малевой, близки во второй половине 2000-х гг. к 20% населения.

В 2009 г. было опубликовано исследование Н.Е. Тихоновой и С.В. Мареевой «Средний класс: теория и реальность» [Тихонова, Мареева 2009]. Данная работа представляет особый интерес, так как в отличие от многих других исследований здесь не только были выбраны критерии отнесения к среднему классу (наличие как минимум среднего специального образования, социально-профессиональный статус, доходы и количество товаров длительного пользования, самооценка социального статуса) и произведены его оценки (26% населения России в 2009 г.), но и проделана большая работа по выявлению ценностей отдельных слоев населения, включая и ценности среднего класса.

Становление биполярной структуры общества во второй половине 2000-х годов

Основным результатом ускоренного экономического развития России в 2000-х гг. стала структурная трансформация российского общества. Ее отправной точкой послужила почти однополярная структура, в которой единственной по-настоящему массовой и электорально значимой группой был сравнительно однородный слой традиционалистов с достаточной однородной системой ценностей и поведенческих стереотипов, представленный в основном малообеспеченным населением. За исключением высокой секуляризации сознания и поведенческих норм в основном система их ценностей базировалась на традиционных установках:

- ориентации на уравнительность доходов,
- предпочтении стабильности риску,
- приоритете коллективных интересов над личными,
- незаинтересованности в личных достижениях, низком доверии к бизнесу,
- незначительном спросе на правовое государство,
- запросе на активную государственную перераспределительную политику,
- зависимости от социальных трансфертов.

Другие социальные группы, включая модернистов, состоящих в том числе из представителей среднего класса, были либо сравнительно малочисленны, либо слабо структурированы и неоднородны, поэтому обладали несопоставимо меньшим электоральным весом и политическим влиянием.

Однополярная социальная структура ограничивала эффективность многопартийной системы и политической конкуренции в парламентском формате. Все партии попадали в зависимость от левопопулистского электората, что приводило к их конвергенции на левом фланге и вело к формированию популистских парламентов 1990-х гг. Дефолт 1998 г. подвел своеобразную черту под эволюцией этой системы, продемонстрировав экономические риски, связанные с ее политической несбалансированностью.

Однополярная структура российского общества облегчила начавшийся после 1999 г. процесс ограничения партийной конкуренции, позволив обращаться к подавляющей части населения с однородным политическим контентом и на этой основе формировать широкую политическую базу партии власти. Привлечение на сторону партии власти иных, менее многочисленных, менее однородных и не столь влиятельных социальных групп упростилось благодаря быстрому экономическому росту, который уменьшил перераспределительные конфликты между социальными группами и обеспечивал парето-оптимальное развитие *win-win*. Количество проигравших было минимально, а подавляющее большинство повышало уровень жизни либо за счет доходов от экономической деятельности, либо в результате активной перераспределительной политики государства.

Но одним из результатов успешного экономического развития 2000-х гг. явилось формирование гораздо более массового, однородного и влиятельного слоя модернистов, состоящих в основном из представителей среднего класса, политический вес которого к концу десятилетия существенно уступал его возросшему социально-экономическому влиянию. Важно отметить, что во второй половине 2000-х гг. как среди ядра модернистов, так и среди их периферии росла доля представителей среднего класса. При этом вытеснялись представители других слоев, что вело к повышению социальной однородности слоя модернистов и их сближению по составу с ядром среднего класса. Кризис 2008–2009 гг. привел к небольшому сокращению численности модернистов, но одновременно и к повышению однородности этой группы. Поскольку в значительной своей массе в конце 2000-х гг. слой модернистов состоял из представителей среднего класса, и поскольку целый

ряд характеристик социального и имущественного положения приводится в работе Н.Е. Тихоновой [Тихонова, Мареева 2009] для среднего класса, то далее мы приводим данные по среднему классу.

Основа массового среднего класса сформировалась еще в советское время – в период с 1970 по 1990 гг., когда в нашей стране был заложен фундамент общества массового потребления. Одним из индикаторов этого процесса может служить удельное количество легковых автомобилей: в течение этого периода оно выросло в 10 раз – гораздо больше, чем в последующие два десятилетия. Также быстрыми темпами росла обеспеченность бытовой техникой и другими предметами длительного пользования. К 1990 г. как минимум треть жилого фонда находилась в личной собственности. В сочетании с распространением высшего образования это создавало предпосылки для формирования влиятельного среднего класса, который по своим социально-имущественным характеристикам постепенно сближался со средним классом стран Западной Европы периода 50–60-х гг. прошлого века.

К концу прошедшего десятилетия в обществе произошли структурные сдвиги, в результате которых российский социум утратил монополярную структуру, характерную для него в период второй половины 1990-х и первой половины 2000-х гг. Следует напомнить, что ситуация монополярности возникла в результате заметного ослабления под влиянием экономического кризиса 1990-х среднего класса, который начал формироваться еще в позднюю советскую эпоху; монополярность российского общества также способствовала кризису российского парламентаризма в 1990-е гг. и создала предпосылки для монополизации политической системы в первой половине 2000-х гг.

Но экономический рост истекшего десятилетия ускорил формирование массового городского среднего класса, численность которого достигла четверти всего населения страны и трети взрослого населения. Анализ доходов, имущественного статуса, поведенческих норм, ценностей и политических ожиданий свидетельствует об их высокой степени целостности и однородности этой системы ценностей и о несовместимости ее с ценностями социального полюса на левом фланге. Противоречия между полюсами усиливаются и отчасти приобретают антагонистический характер: в условиях кризиса и медленного роста доходов они выливаются в перераспределительные конфликты по типу игры с нулевой суммой. Социологические данные свидетельствуют о том, что другие массовые группы населения менее однородны. По своим социальным характеристикам, ценностям они занимают промежуточное положение между полюсами и, в конечном счете, тяготеют к одному из этих полюсов.

Монополизированная политическая система вынуждена так или иначе апеллировать к обоим полюсам, но и балансировать между ними в силу их принципиальной несовместимости становится все труднее. Обеспечить политическое представительство среднего класса она не смогла, в то время как электорат, не входящий в средний класс, все больше предпочитает голосовать за левые оппозиционные партии. Протестные настроения растут и имеют тенденцию концентрироваться на социальных полюсах, суммарная численность которых составляет уже более 50% взрослого населения страны. В условиях политического размежевания этих полюсов политическая база партии власти все более формируется из промежуточных социальных слоев; такая опора неустойчива в силу ее аморфности и тяготения к более сильным, однородным и многочисленным социальным полюсам. Это создает объективные социальные предпосылки для кризиса и последующей трансформации неконкурентной политической системы.

Дальнейший процесс политической трансформации наталкивается на риски, обусловленные асимметричностью политического влияния полюсов и развитием на этой почве трудно разрешимых перераспределительных конфликтов.

Высокий социальный капитал, доступ к интернету, доминирование в СМИ и концентрация в крупнейших городах повышают потенциал внесистемной самоорганизации среднего класса и возможности протестного давления на власть, которыми не обладает

противоположный социальный полюс. Будучи не представлен в партийно-политической системе, средний класс все чаще будет прибегать к внесистемному давлению на власть в реализации своих интересов. Политическое влияние противоположного социального полюса, напротив, реализуется, прежде всего, через его электоральное влияние на выборах, где он голосует за массовые и хорошо организованные партии левой оппозиции.

В случае оформления массовой правой партийной оппозиции и ослабления партии власти может сложиться дисфункциональное политическое равновесие, при котором повышенное электоральное влияние левых партий будет блокироваться повышенным внесистемным протестным потенциалом среднего класса, находящегося пока в электоральном меньшинстве.

Два поколения бэби-бумеров и их роль в изменении социальной структуры

Если сравнить возрастную структуру российского населения в 2010 и 2020 гг. (таблица 1 и рисунок 1), мы обнаружим, что она будет радикально трансформироваться под влиянием двух поколений бэби-бумеров. Первые – это бэби-бумеры, родившиеся в послевоенный период, они в массовом порядке будут выходить на пенсию в течение следующего десятилетия: в результате число лиц в возрасте от 60 до 69 лет возрастет более чем в 1,5 раза – с 11,3 до 17,3 млн чел.

Вторая группа – это дети послевоенных бэби-бумеров, которые родились незадолго до начала перестройки или во время перестройки, когда действовали меры по стимулированию рождаемости. Они стали самой многочисленной возрастной группой из ныне живущих поколений россиян и останутся таковыми на протяжении всей своей активной жизни (как минимум до 2050 г.), их доля в населении будет самой большой вплоть до их выхода на пенсию, все другие поколения будут численно меньше.

Таблица 1. Демографический прогноз по 10-летним группам

возраст по 10-летним группам (лет)		год (млн чел)				
от	до (включительно)	2009	2019	2029	2039	2049
0	9	14,3	16,5	14,0	13,3	13,8
10	19	16,0	14,6	17,0	14,6	13,9
20	29	24,4	16,2	15,0	17,4	15,2
30	39	20,5	24,2	16,4	15,4	17,8
40	49	21,1	19,8	23,5	16,3	15,5
50	59	20,8	19,1	18,4	22,0	15,5
60	69	11,3	17,3	16,2	16,0	19,2
70	79	9,6	7,8	12,7	11,9	12,0
80	89	3,5	4,2	3,6	6,3	5,8
90	99	0,3	0,6	0,7	0,7	1,2
	100 и старше	0,02	0,03	0,05	0,07	0,07
ВСЕГО		141,8	140,3	137,6	133,9	130,0

Источник: расчеты Т.Г. Омельчук с использованием прогноза Росстата [www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1]

В 2010-х гг. многочисленное второе поколение бэби-бумеров вступит в наиболее продуктивный профессиональный возраст от 30 до 39 лет. В результате к 2020 гг. численность населения в возрасте от 30 до 39 лет возрастет почти на 4 млн чел., в то время как во всех других группах трудоспособного населения она упадет более чем на 11 млн чел. Пока второе поколение бэби-бумеров – это в основном студенческая молодежь, но в ближайшие 10 лет она вступит в зрелый трудоспособный возраст и, что важно, обзаведется семьями; молодые люди войдут в период активной профессиональной самореализации, их доля в населении будет значительно выше, чем доля бэби-бумеров – пенсионеров, то есть 17,2% против 12,3%. Названные количественные изменения – это не просто изменения численности определенных возрастных групп: в процессе этого изменения у представителей обоих поколений бэби-бумеров изменится социальное положение, а вместе с ним и их политические запросы.

Демографическая пирамида на 1.01.2009

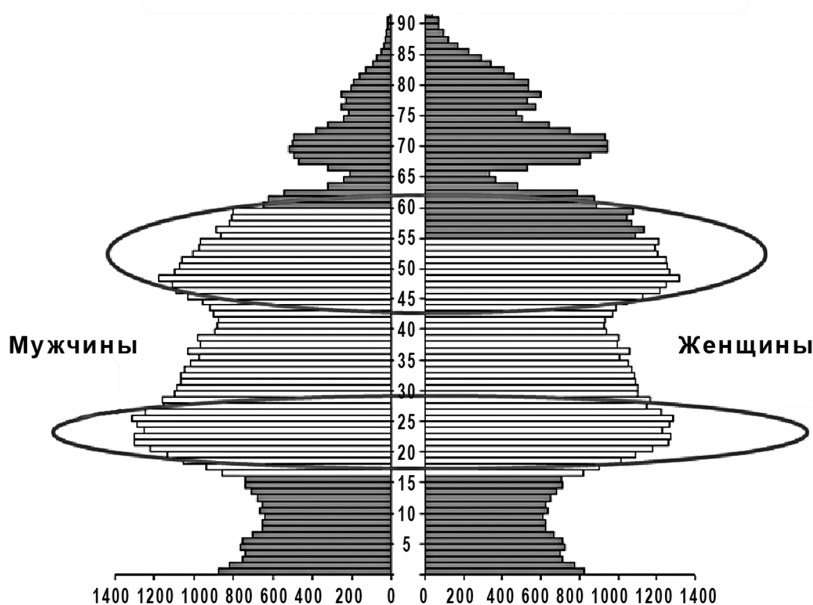

Рисунок 1. Два поколения бэби-бумеров

Источник: Росстат [<http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>]

Поколение, которое будет выходить на пенсию в ближайшие 10 лет, не имеет значительных финансовых сбережений, пенсионных накоплений (в частности, они исключены из участия в обязательной накопительной пенсионной системе) и располагает ограниченными имущественными активами. Менее 10% из них имеют крупные накопления, достаточные, чтобы прожить не менее года. В силу уравнительного характера распределительной пенсионной системы большинство из них будет выходить на пенсию, не намного превышающую прожиточный минимум в соответствующих субъектах Российской Федерации. В результате даже те из них, кто мог бы быть причислен к категории среднего класса до выхода на пенсию, но перестал работать, не имеет возможности сдавать в аренду недвижимость и получать финансовую помощь от родственников, начнут вымываться из состава среднего класса.

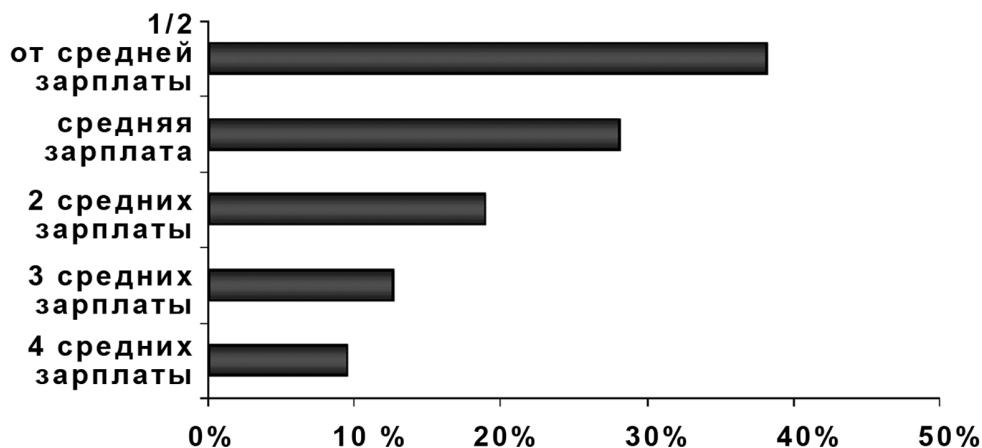

Рисунок 2. Индивидуальные коэффициенты замещения для заработных плат разных размеров по отношению к средней заработной плате в стране

Источник: расчеты Т.Г. Омельчук

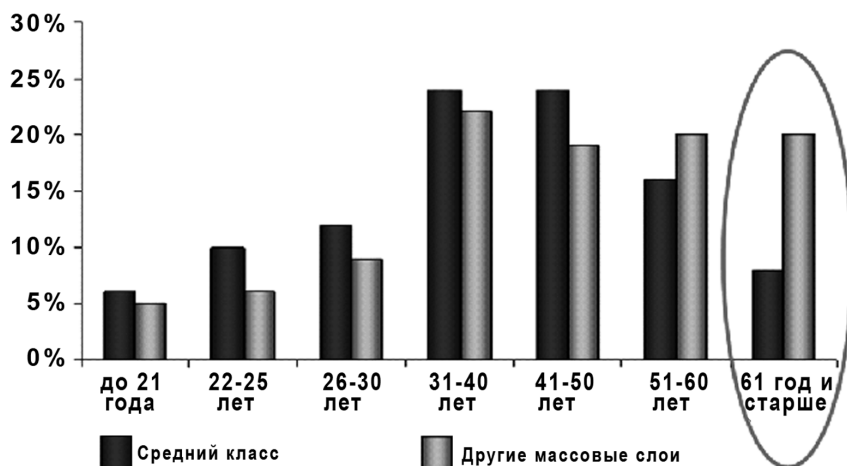

Рисунок 3. Возрастное распределение среднего класса и других массовых социальных слоев

Источник: [Тихонова, Мареева 2009]

Коэффициент замещения (соотношение пенсии и заработной платы) оказывается у представителей высокодоходных групп населения, преобладающих в составе среднего класса, значительно ниже, чем у менее высокооплачиваемых работников (рисунок 2). Для работников с зарплатой в 3–4 раза выше средней по стране индивидуальные коэффициенты замещения падают до 10–12% против 40% для работников с заработной платой в 2 раза ниже средней. В этом состоит одна из причин, по которой и сегодня доля среднего класса в населении старше 60 лет оказывается в почти в 3 раза ниже, чем в средних возрастных группах (рисунок 3).

Вымывание поколения бэби-бумеров из состава среднего класса по мере выхода на пенсию приведет к тому, что возрастет количество пожилых людей, политическая мотивация которых перейдет в плоскость получения дополнительных трансфертов от государства, поскольку они не имеют возможности получать доходы за счет капитала и иных форм рыночной активности. Поэтому, скорее всего, они будут «леветь» в своих политических установках.

Что касается более молодой прослойки бэби-бумеров, то оценки Центра трудовых исследований НИУ «Высшая школа экономики», сделанные специально для данной материи, показывают, что доля лиц с высшим образованием среди них достигнет к 2020-м гг. уровня 65–70%, превышая в 2 и более раза значение этого показателя в других возрастных группах. По данным Росстата, распределение заработных плат по возрастам уже сейчас показывает самые высокие заработные платы в возрастной категории 30–34 года [Росстат // <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>]. Следовательно, в зрелом возрасте значительная часть молодой прослойки бэби-бумеров попадет в категорию профессионалов, чьи социальные позиции и источники доходов позволят им легко войти в категорию среднего класса. Российское поколение «молодых» бэби-бумеров в основном окажется в категории среднего класса по уровню своего потребления в том числе и потому, что оно вступает в активный трудовой возраст на фоне резкого сжатия предложения на рынке труда. Численность трудоспособного населения будет снижаться в среднем примерно по 700 тыс. чел. в год, что приведет к общему сокращению численности трудоспособного населения за 10 лет на 7 млн чел. На этом фоне материальная отдача от труда будет возрастать: люди с хорошим образованием на пике своей профессиональной активности в условиях дефицита рабочей силы будут иметь возможность максимизировать отдачу на свой человеческим капитал, трансформировав его в высокий текущий заработок.

Социологические исследования жизненных установок российской молодежи привели к несколько пессимистичному выводу, что единственное существенное отличие этого поколения от людей советской эпохи состоит в том, что новое поколение значительно более квалифицированно в потребительском отношении, других отличий обнаружить не удалось. Такой результат с исследовательской точки зрения не так уж плох, поскольку сама по себе квалификация потребителя – вещь совсем неплохая; ее отсутствие у многих советских людей оборачивалось потребительскими ошибками, порой очень дорогостоящими, которые причиняли вред как самому человеку, так и его семье.

Вместе с тем не оставляет ощущение, что этот результат слишком мал по сравнению с поставленной задачей и затраченными ресурсами. Представляется очевидным, что если проводить новые исследования, то вопрос нужно ставить в динамике. Многие социологи и психологи пишут, что новое поколение долго сохраняет инфантилизм. Возможность такой инфантильной задержки опирается на определенные ресурсы: отсутствие детей, возможность получить помощь от родителей, нерастратенный потенциал здоровья, молодежные образовательные программы.

Однако через 10–15 лет жизненная ситуация этих молодых людей кардинально изменится: многие из них обзаведутся семьями, станут родителями, приобретут профессию и квалификацию. С другой стороны, какая-то часть молодежи может пройти по пути дезадаптации. Прогнозировать этот процесс трудно. Если говорить о поколении, которому в 2001 г. было 20–25 лет, то ныне, в 2012 г., согласно опросам Левада-центра, дезадаптировалась (т.е. ухудшила свое положение) примерно четверть из них. Прочие 75% не ухудшили свое положение, из них 60% – улучшили [Расчет ЦСР на основе массивов Левада-центра].

Еще более оптимистичны в этом плане результаты зарубежных исследований. Социолог Джон Миллер (США), один из авторов опубликованного недавно докла-

да «Поколение Икс» [Поколение Икс изменило знак 2011], пишет, что это поколение, якобы состоящее из угрюмых социопатов и разочарованных невротиков, на поверку оказалось поколением семейных трудоголиков, много читающих и ведущих активный образ жизни. Согласно данным масштабного социологического мониторинга, который продолжается уже четверть века, большинство иксеров ведут активную, сбалансированную и счастливую жизнь. Они общественно активны, в большинстве своем удовлетворены своей работой и умеют эффективно совмещать профессиональные и семейные обязанности с личным досугом.

Главный стереотип, развенчанный исследованием, – это представление об иксерах как поколении лентяев и профессиональных «лузеров». Согласно социологам, все обстоит с точностью до наоборот: по сравнению с более старшим поколением Поколение Икс оказалось настоящим трудоголиком, посвящая работе и профессиональному общению большее количество часов, чем среднестатистический взрослый американец старше 45 лет (рисунок 4). Развенчан был также миф о том, что Поколение Икс патологически неспособно создать крепкую семью: две трети иксеров состоят в официальном браке, а 71% пар имеют детей. Притом эти семьи вполне благополучны, а не «дисфункциональны» – еще одно расхожее словечко, описывающее семейное самочувствие «поколения Симпсонов»: три четверти родителей-иксеров помогают своим детям делать уроки, притом 43% тратят на это пять и более часов в неделю.

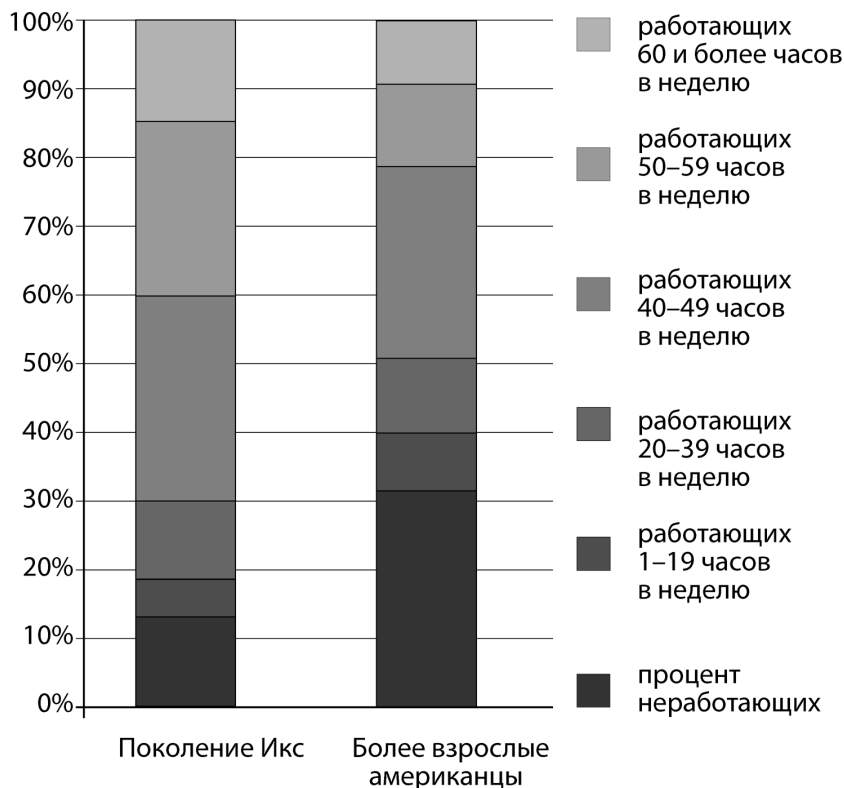

Рисунок 4. Графики трудовой занятости Поколения Икс и более взрослых американцев

Источник: [Поколение Икс изменило знак 2011]

Еще одним развенчанным стереотипом стала гражданская и социальная инертность Поколения Икс: на протяжении многих лет около 30% опрошенных принимали активное участие в деятельности профессиональных и бизнес-союзов, гражданских и общественных объединений.

Таким образом, исходя из результатов российских и зарубежных исследований, есть все основания считать, что новое поколение россиян, входящее в трудоспособный возраст, в своей массе не превратится в «лузеров», а образует полноценный средний класс, характеризующийся активной жизненной позицией, высокими профессиональными навыками и достаточно высокими доходами.

В результате к концу десятилетия социальная поляризация российского общества приобретет еще более выраженный межпоколенческий характер. Кроме того, усилится и пространственная поляризация: на *рисунке 5* показаны миграционные намерения молодых бэби-бумеров, живущих в малых и средних городах. Большинство из них намерено уехать из родного города чаще всего с целью получения образования и, как правило, они не предполагают вернуться обратно. Большинство этих людей после получения образования останется жить в крупных городах, где в настоящее время живет основная часть представителей среднего класса (*рисунком 6*).

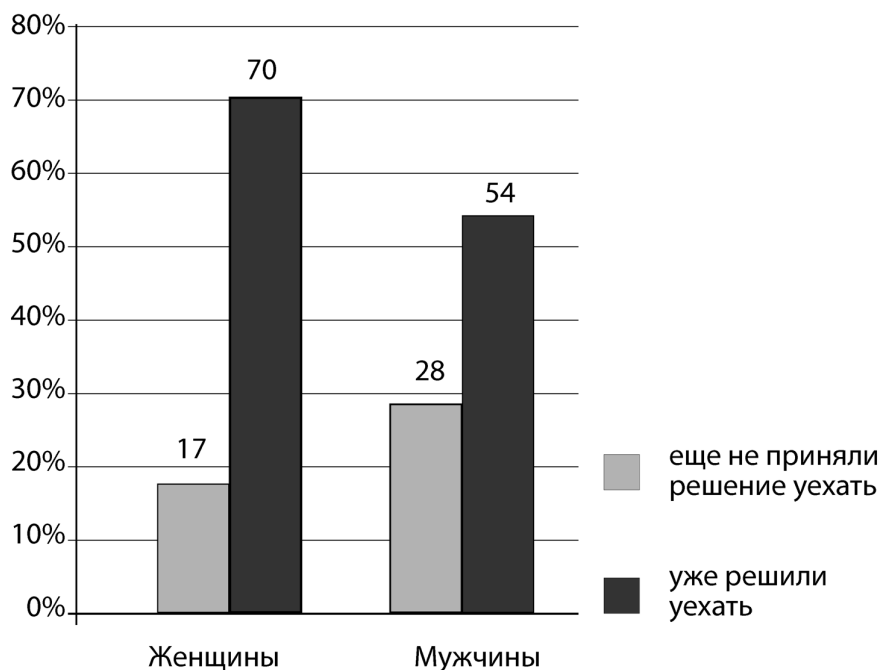

Рисунок 5. Миграционные намерения молодых бэби-бумеров из малых и средних городов

С учетом описанных выше межпоколенческих сдвигов мы провели прогнозные расчеты, основанные на достаточно консервативном сценарии роста ВВП и доходов населения. Согласно полученным оценкам, к 2019 г. доля населения, относящегося к среднему классу, возрастет с 26 до 33%, а во взрослом населении – с 33 до ~ 45%, при этом подавляющая часть населения крупных городов

(60–70% взрослого населения) окажется в категории среднего класса. Фактически это означает, что к 2020 г. абсолютное большинство взрослого населения страны будет принадлежать к среднему классу или его ближайшей периферии. Прирост численности противоположного социального ядра и потери численности среднего класса в связи с выходом на пенсию старшего поколения бэби-бумеров с избытком компенсируются быстрым приростом численности среднего класса в средних трудоспособных возрастах.

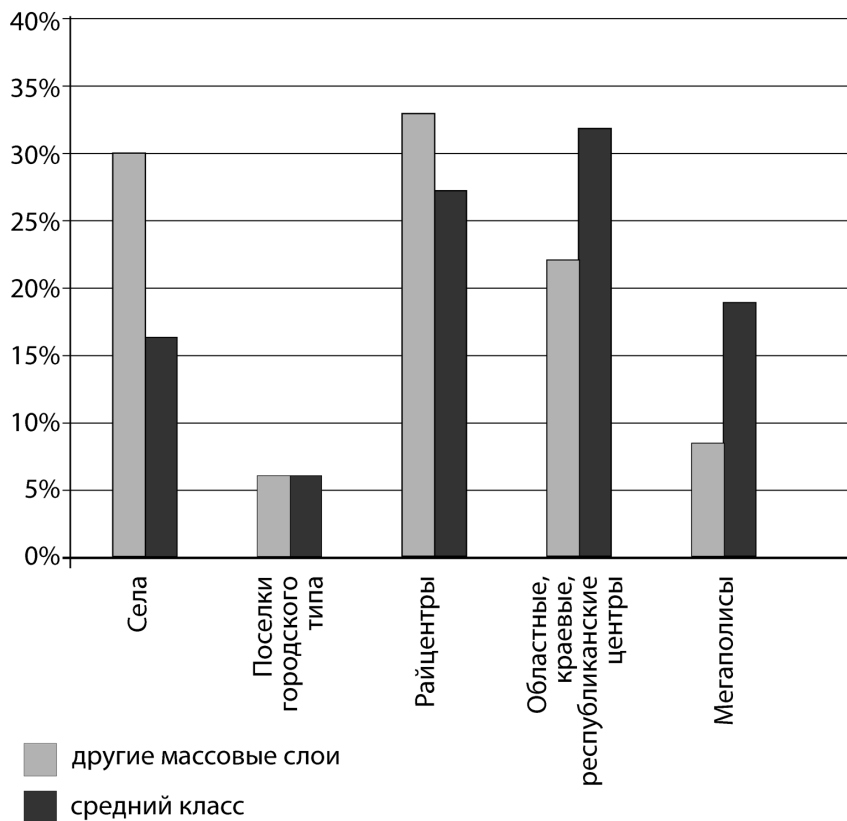

Рисунок 6. Распределение среднего класса и других массовых социальных слоев по типам населенных пунктов

Источник: [Тихонова, Мареева 2009]

Следует отметить, что проведенные расчеты не учитывали возможного в этот период повышения пенсионного возраста. Если он начнет постепенно повышаться, это еще более замедлит тенденцию размывания среднего класса в старшем поколении бэби-бумеров по мере их выхода на пенсию. Данный эффект возникнет как за счет переноса на более поздний срок выхода на пенсию старших бэби-бумеров, так и благодаря возможности поддерживать в этом случае более высокие размеры пенсий, чем в случае отказа от повышения пенсионного возраста. В результате к концу десятилетия произойдет дополнительное усиление численного электро-рального превосходства среднего класса над противоположным социальным полюсом (см. рисунки 7,8,9).

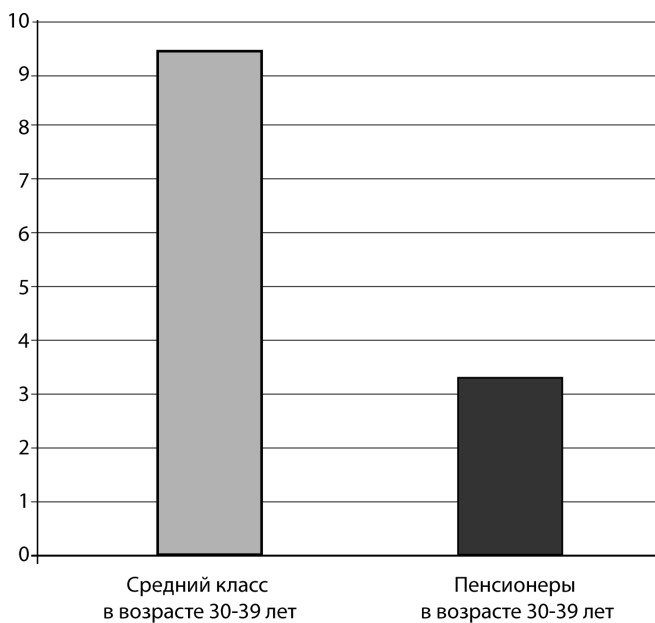

Рисунок 7. Прогноз прироста численности среднего класса и иных групп в составе двух поколений бэби-бумеров за период 2009-2019 гг. (млн чел.)

Источник: расчеты С.Г. Мисихиной

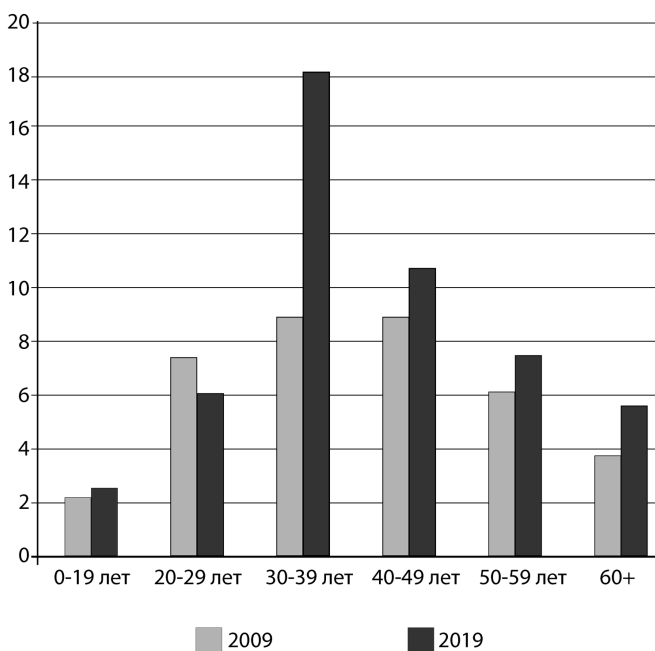

Рисунок 8. Прогноз численности среднего класса по возрастным группам (млн чел.)

Источник: расчеты С.Г. Мисихиной

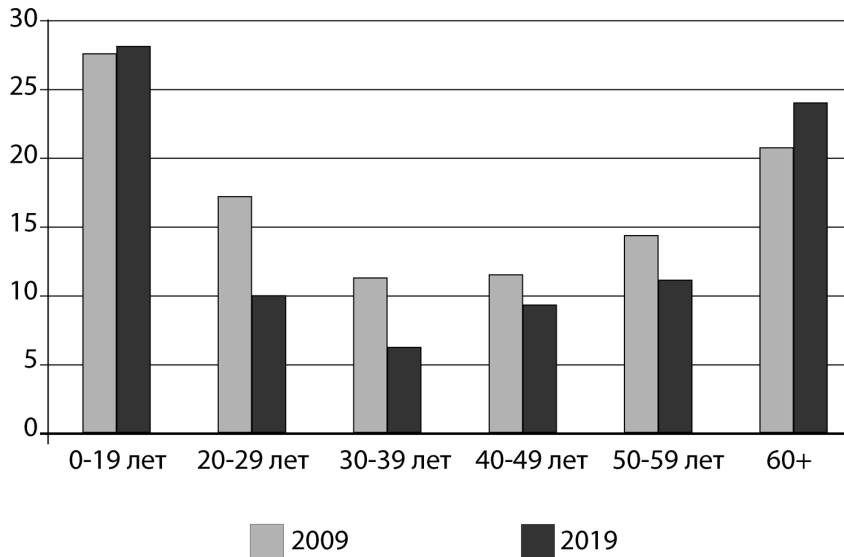

Рисунок 9. Прогноз численности населения кроме среднего класса по возрастным группам (млн чел.)

Источник: расчеты С.Г. Мисихиной

Среднесрочные сценарии эволюции политической системы

С учетом неопределенности развития протестных тенденций и их трудной предсказуемости могут быть рассмотрены два среднесрочных сценария.

Первый среднесрочный сценарий возможен при дальнейшем нарастании недовольства, когда протесты среднего класса перейдут в фазу политического активизма. В этом случае возможно формирование массовых политических партий «снизу», что сделает вероятным проведение досрочных парламентских выборов.

В случае появления спроса на эффективное партийное представительство социальный капитал среднего класса в сочетании с богатым опытом внесистемной самоорганизации, доступом к интернету, СМИ и большими интеллектуальными возможностями позволит оформить массовое политическое движение в короткие сроки. Существующая система едва ли будет способна противостоять этому давлению в ее ослабленном состоянии, со стареющими брендами и отсталым риторическим ресурсом, низким потенциалом самоадаптации, недостаточно гибкими механизмами политического контроля.

В этом сценарии вероятно проведение как минимум досрочных парламентских и, с меньшей вероятностью, – президентских выборов. Результатом более свободных парламентских выборов станет существенное расширение формально-политического представительства среднего класса через вновь созданные политические партии. Однако более существенным итогом послужит то, что противоположный социальный полюс реализует свое количественное электоральное преимущество, вследствие которого большинство в Думе получают левые партии.

Правительство, сформированное исходя из итогов таких выборов, вынуждено будет в условиях медленного экономического роста проводить активную перерас-

пределительную политику, не отвечающую интересам среднего класса. Со своей стороны представители среднего класса будут активно использовать внесистемные ресурсы давления для предотвращения наименее приемлемых для них мер. В результате политический процесс рискует перейти в плоскость затяжных позиционных конфликтов, парализующих работу исполнительной власти. Более того, если гипотетически представить, что в России будут проведены по-настоящему открытые и конкурентные политические выборы, то численное превосходство левого электората открывает возможность для победы левопопулистского лидера, как это неоднократно случалось в аналогичных обстоятельствах в странах Латинской Америки и странах переходной экономики (например, Уго Чавес в Аргентине, Эво Моралес в Боливии, Александр Лукашенко в Белоруссии). Такой исход способен замедлить модернизацию политической системы и экономики и чреват обострением политических конфликтов на почве внесистемного сопротивления среднего класса.

Следует отметить, что российская политическая элита едва ли позитивно отнесется к подобному сценарию: внутри нее появятся признаки умеренной конвергенции, обусловленной сходным опытом существования в рамках рыночной экономики и вытекающим из него согласием по многим вопросам экономической и социальной политики. Поляризация общества и партий будет искусственно растягивать политическую элиту на полюса, вступая в противоречие с ее внутренними тенденциями конвергенции.

В этих условиях сохранение тандема, в котором премьер-министр апеллирует преимущественно к среднему классу, президент – к противоположному социальному полюсу, может оказаться полезным балансирующим механизмом. Возможно, именно это имел в виду социолог Л.Г. Бызов, который говорил, что в России может быть устойчивой только одна политическая конструкция: правоцентристское правительство и левоцентристский президент [*Бызов* устное сообщение]. Такой механизм может в какой-то мере помочь компенсировать дисфункциональность позиционных конфликтов между социальными полюсами, возникающих из-за асимметрии их политического влияния.

Однако, учитывая старение персонального бренда Путина и практически полную утрату политического бренда Медведевым, а также общую слабость риторического ресурса власти, эффективная работа тандема «президент и премьер-министр» в столь жесткой, неудобной и непривычной для них политической обстановке возможна лишь в случае хотя бы частичного и к тому же удачного обновления его персонального состава. В рамках сложившихся системных ограничений такое обновление представляется пока проблематичным. В этой связи эффективность президента и премьер-министра в преодолении дисфункциональных политических конфликтов между двумя социальными полюсами, скорее всего, окажется недостаточной. Следовательно, в сценарии ускоренной политизации среднего класса возрастет вероятность масштабных политических кризисов с непредсказуемыми последствиями.

Второй среднесрочный сценарий связан с возможным замедлением или даже затуханием роста протестной активности на обоих политических полюсах: в этом случае внесистемное давление на власть будет ослабевать, и в отсутствие такого давления ограниченный потенциал системы к саморазвитию приведет к консервации ее основных особенностей на среднесрочную перспективу. В этом случае процесс глубокой политической трансформации перенесется на конец следующего десятилетия и будет происходить под влиянием долгосрочных структурных сдвигов в российском обществе.

Долгосрочные политические изменения в условиях политической стабильности

При сохранении политической стабильности к президентским выборам 2018 г. в основном сформируется электоральное доминирование среднего класса и прилегающих к нему социальных групп. В результате возникнут необходимые предпосылки для формирования устойчиво работающей конкурентной политической системы, которая включает конкурентную модель многопартийной парламентской демократии и открытую конкурентную модель выборов президента.

В этих условиях свободные парламентские выборы будут обеспечивать большинство только тем партиям, которые полностью или хотя бы частично представляют интересы среднего класса. Победа левых партий на выборах будет возможна только в случае их конвергенции к политическому центру, представленному отчасти средним классом, а отчасти его периферией.

Похожий процесс обозначился в Великобритании в 1990–2000-х гг. после периода обострения социальной и партийной поляризации в 1970–1980-е гг. В настоящее время лейбористы и консерваторы 2010-х соревнуются в основном за то, чтобы элегантно сформулировать политическую повестку, которой ожидают от них различные слои массового среднего класса.

В этих условиях впервые за тридцатилетнюю новейшую историю России маловероятным станет приход к власти путем свободных конкурентных президентских выборов левопопулистского лидера типа Уго Чавеса или Александра Лукашенко, способных надолго затормозить социальное развитие и дестабилизировать экономику и общество.

В этих условиях могут быть рассмотрены два сценария системной трансформации, каждый из которых в большей мере соответствует одному из рассмотренных ранее.

В обоих сценариях формат тандема утрачивает первоначальную актуальность. Выборы президента на конкурентной основе будут с высокой вероятностью обеспечивать победу одного из кандидатов, апеллирующих к среднему классу и способных проводить более или менее ответственную экономическую и социальную политику, отвечающую его ключевым интересам. Демократизация и усиление открытости процесса президентских выборов станут актуальными уже на выборах 2018 г., подобно тому, как это уже случилось в крупнейших странах Латинской Америки, включая Мексику и Бразилию.

Задача апелляции одновременно к двум социальным полюсам и обеспечение политического баланса между двумя социальными полюсами сохранится, но в отличие от среднесрочной перспективы она приобретет подчиненное значение и столь ярко выраженная асимметрия политического влияния двух социальных полюсов будет невозможна. На стороне массового среднего класса сохранится как численное электоральное превосходство, так и потенциал неформального влияния, поскольку его концентрация в крупных городах, социальный капитал и влияние на СМИ останутся более значимыми, чем у противоположного полюса.

Различия в двух сценариях просматриваются, прежде всего, в плане развития партийной системы.

Первый долгосрочный сценарий соответствует первому среднесрочному сценарию. Если к середине 2010-х гг. будет сформировано оппозиционное партийное представительство среднего класса, то, скорее всего, партию власти ожидает необратимое размывание ее центристской политической базы. В конечном счете, это приведет к ее вытеснению на периферию политического процесса или даже распаду или поглощению, как это уже неоднократно происходило с партией власти в новейшей российской истории.

Второй долгосрочный сценарий возможен, если в первой половине 2010-х гг. средний класс не сумеет оформить эффективное массовое партийное представительство на альтернативной партии власти основе. В этом случае у партии власти открывается возможность эволюции в сторону партии среднего класса, предоставив электорат противоположного социального полюса преимущественно левым оппозиционным партиям, но сохраняя при этом твердые шансы на электоральное большинство – самостоятельно или в коалиции с другими партиями, представляющими интересы среднего класса. Однако реализация этого сценария будет затруднена неэффективным кадровым составом депутатского корпуса «Единой России», его крайне консервативной политической риторикой (еще более консервативной, чем у первых лиц государства) и сложившимися в ней клановыми интересами.

Литература

- Аврамова Е.М.* (2002) Формирование среднего класса в России: определение, методология, количественные оценки // *Общественные науки и современность*. № 1.
- Аврамова Е.М.* (2008) Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. № 1.
- Беляева Л.А.* (1999) В поисках среднего класса в России // *Социологические исследования*. № 7.
- Григорьев Л.М.* (2008) Внутренние противоречия формирования среднего класса в России // *Дискуссия о среднем классе*. М.: ИНСОП, Научная книга.
- Григорьев Л.М.* (1) (2010) Интересы и проблемы во время мирового кризиса: ответственность элит, понимание среднего класса и терпение бедняков // *Экономика переходных процессов*. Т. 2. Гл. 3.11.
- Григорьев Л.М.* (2) (2010) Элиты и средний класс // *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*. № 13.
- Григорьев Л.М., Салмина А.* (2009) Структура среднего класса в России: гипотезы и предварительный анализ // *Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения*. М.: ИНСОП, Экон-Информ.
- Григорьев Л.М., Салмина А.* (2010) Структура среднего класса в России: предварительный анализ для будущих исследований // *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*. № 12.
- Малева Т.М., Овчарова Л.Н. и др.* (2008) Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ.
- Поколение Икс изменило знак (2011) // http://www.gazeta.ru/science/2011/10/26_a_3812970.shtml
- Росстат // <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>
- Средние классы в России: экономические и социальные стратегии (2003). Под ред. Т. Малеевой. Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* (2009) Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М.